

*Д.В. Труевцев, О.А. Сагалакова, Л.Д. Демина, А.П. Супрун*  
**Психосемантическое моделирование  
мотивационного пространства ментальности –  
новые возможности экспликации смысловой  
структуры поведения**

На протяжении всей истории психологии проблема предсказания и выявления причин поведения индивида всегда была актуальной. Мотивация является одним из основных феноменов, который используется для объяснения движущих сил активности.

Актуальность проблемы мотивации в дискурсе современной научной психологии определяется необходимостью решения задачи повышения точности прогнозирования направления поведенческой активности и определения ее смыслового содержания. При трактовке направления активности как феномена, не представленного в явной форме осознанию, становится понятной важность исследования его семантической организации. Кроме того, формирование теоретико-методологических концепций в психологии связано с представлениями о причинах и целях активности индивида, что делает тему мотивации одной из центральных в научной психологии (К.А. Абульханова-Славская, Л.Д. Демина, Ж. Нюттен, Х. Хекхаузен [1–4] и др.).

Появление основных школ научной психологии происходило в процессе отрицания предмета психология как науки о сознании. Основным моментом исследования стал поиск внесознательных детерминант поведения (бессознательные, трактуемые как идущие из глубины внутренние силы в психоанализе, либо как внешние стимулы в классическом бихевиоризме).

К. Левин, поставивший задачу экспериментального исследования детерминант поведения, показал, что причинами поведения не являются ни внешние, ни внутренние факторы, а лишь их сложное системное взаимодействие.

Введение понятия «жизненное пространство» дало возможность преодоления «бихевиоральных установок», главным заблуждением которых был постулат: стимул одинаков для всех, это определяло возможность так называемой объективности. Перейдя к представлениям о «валентности» внешних объектов, непосредственно связанных с индивидом, как средства удовлетворения потребностей, К. Левин смог преодолеть иллюзию бихевиоризма об идентичности стимула. Объективность

психологии как науки для К. Левина заключалась в исследовании ситуации в том виде, как она представлена индивиду, т.е. в непосредственной связи валентности предметов и актуальных потребностей [5]. К сожалению, в эпоху классического когнитивизма (60-е гг.) проблема мотивации практически не исследовалась, а внимание было сосредоточено на специфике познавательных процессов, связанных с переработкой информации. Только с середины 70-х гг. появились исследования процессов субъективной категоризации жизненных ситуаций.

В современных когнитивных исследованиях инициация и развертывание поведения связываются с актуализацией определенных категорий (установок), именно таким образом трактуется инициация поведения (А.П. Супрун [6–7], А.Г. Шмелев [8–9] и др.).

В последнее время становится очевидным кризис ключевых понятий классической и неоклассической психологии, таких как личность, психика, сознание, субъект, заключающийся в нарастающей потере их объяснительного смысла, так как за ними не стоит эмпирически верифицируемого содержания (А.Н. Онучин [10], А.В. Юревич [11] и др.).

Один из вариантов решения обозначенной проблемы проявляется в отчетливой тенденции развития научного знания, обозначаемой как постнеклассическая (постмодернистская). В ней постулируется преодоление «принципа отражения» (в рамках которого оказывается невозможным решить проблему «избирательности») и переход к принципу конструирования реальности, выражаемом в исследованиях ментальности как эмпирически фиксируемого фрагмента «жизненного мира» (Дж. Келли [12], Ф. Василюк [13] и др.). Эмпирическое исследование возможно лишь как выделение определенных индикаторов, являющихся указателями объектов «жизненного мира», посредством которых возможно воссоздание ментальности. В рамках проблемы мотивации исследование ментальности позволяет решить затянувшийся конфликт между ситуационными и диспозиционными моделями интерпретации поведения индивида.

Согласно ряду исследований в семантическом дифференциале (СД) Ч. Осгуда структура факторного пространства выражает процессы взаимодействия с миром, выделение устойчивых компонент, связанных с непосредственным опытом ощущений. Категоризация различных классов ощущений выражается в различных факторах семантического дифференциала. Таким образом, движение от ощущений к формированию устойчивых представлений о внешнем и внутреннем мире (отношение к самому себе) и его становление в категориальной (семантически организованной) форме дает возможность операционально трактовать жизненный мир как семантическое пространство, а на этой основе проводить эмпирические исследования. В лингвистических исследованиях наметился переход от анализа языка как формальной знаковой системы к изучению механизмов обратного влияния используемых индивидом языковых структур на его поведение и восприятие мира (Л. Витгенштейн, Дж. Серль, Э. Сепир, Б. Уорф [14–15]).

В работах когнитивных лингвистов (М. Джонсон и Дж. Лакофф [16–17] и др.) показана, например, роль метафор не только как риторического языкового средства, а как концептуальной основы человеческого способа восприятия мира. Метафора является основой конструирования и упорядочивания опыта взаимодействия индивида со средой. В работах французских постструктуралистов и постмодернистов (М. Фуко [18], Р. Барт [19], Ж. Деррида [20], Ж. Бодрийяр [21]) показана роль дискурсивных знаково-символических практик в конструировании модели мира, научного знания, повседневности людей, включенной в определенное социокультурное пространство.

Фундаментальная лексическая гипотеза Л. Голдберга о выражении в языке необходимых для адаптации признаков гласит, что именно взаимодействие, основанное на потребностях, формирует карту мира, которая несет важную информацию об индивидуальных различиях в поведении индивидов. На первичных ощущениях возникают категории: вначале – первосингальные, затем включение в культуру приводит к появлению второсингальных (процесс коммуникации).

Таким образом, «объекты мира», являясь инструментальными средствами удовлетворения потребностей, существуют не «сами по себе», а включены в контекстуальное единство индивида и ситуации, т.е. в жизненный мир (Г.М. Андреева [22], Е.Ю. Артемьева [23], Ф.Е. Васильюк [24], К. Левин [5], В.Ф. Петренко

[25, 26], А.Ш. Тхостов [27], А.Г. Шмелев [8–9] и др.), определяемый в семантическом анализе как ментальная карта индивида (А.П. Супрун [6–7]). Ментальная карта трактуется как карта взаимодействия индивида и мира, построенная семантически.

Понятие «ментальная карта» важно именно в силу того, что объекты мира оказываются непосредственно связаны с индивидом и выступают как условия или средства удовлетворения потребностей. Ментальная карта – не отражение «реального мира», а его конструирование в процессе поиска средств удовлетворения потребностей. Истолковав пространство «жизненного мира» как пространство семантическое, можно подойти к измерительным процедурам.

Таким образом, в «жизненном мире» не существует объектов, никак не связанных с индивидами, с их потребностной сферой. Они выделяются постольку, поскольку являются либо средством, либо условиями, способствующими или препятствующими удовлетворению потребности. Очевидна недоступность, иначе говоря, неосознаваемость ряда мотивов поведения, указывающих на доминирующее направление активности, частично осознаваемыми являются инструментальные средства и их предпочтения.

Операционально понятие «ментальность» определяется как специфический комплекс наиболее ригидных (устойчивых) элементов в специфике видения мира (ментальных картах) отдельных индивидов, обладающих сходством оценок и общностью лежащих в ее основе потребностей и условий существования. Содержательные основания выделения ментальности являются различными, однако формальные принципы моделирования – общими, не зависящими от исследуемого содержания. При изучении ментальности необходим учет двух критериев: общих условий жизнедеятельности и способности высказывать согласованные суждения в отношении предметов в рамках выделяемых качеств. Это связано со сходством способов удовлетворения потребностей и возможных стратегий адаптационного поведения. Принадлежность к определенной ментальности связана со способностью понимать смысл поведения другого человека как само собой очевидный.

В психосемантике для получения данных используются различные варианты шкалирования оценок, статистические методы: факторный анализ, корреляционный и регрессионный анализы, кластерный анализ и т.п.

Психосемантические исследования, представленные в работах В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелева и других, использует два критерия оценок, на основе которых строится интерпретация данных и прогностическая модель, это – качество свойства (с учетом его связи с другими свойствами) и его интенсивность. Несколько иным направлением в этом русле оказался подход Е.Ю. Артемьевой (психология субъективной семантики), в рамках которого исследования были направлены на выявление особенностей индивидуальных семантических пространств [3].

Как ни странно, но и известный психосемантический анализ не лишен изъянов в плане точности предсказания поведения человека, реконструкции смысловой направленности активности. Становится очевидным недостаток технологических компонентов в структуре математического анализа, позволяющих строить максимально точные предсказательные и интерпретативные модели.

Дело в том, что для полноценного определения объекта необходимо задать три характеристики: определяющие свойства интенсивности и ригидности (устойчивости). Только на основании полноценного описания объекта возможны точные предсказания. В семантическом анализе на данном этапе определены способы исследования ригидности объектов как согласованности оценок в рамках определенной ментальности (А.П. Супрун). В случае отдельного индивида при однократном исследовании точных предсказаний сделать невозможно, так как оказывается неизвестной ригидность (устойчивость) его оценок и мнений, поэтому реконструкция ментальной карты индивида возможна при неоднократном тестировании, в условиях представления одного индивида как «группы», что и обеспечивает довольно точные предсказания направления мотивационного вектора в результате эмпирического исследования.

По мнению А.П. Супруна, свойства модальности, интенсивности и их ригидности, заданные относительно нейтральной точки, характеризуют объекты в семантическом пространстве. Модальности соотносятся с координатными осями, интенсивности – с угловыми координатами. С объектом можно сопоставить вектор, характеризующийся направлением (выражающим некоторое соотношение свойств), а ригидность – длиной этого вектора, определяющего данное соотношение свойств. Выбор угловой меры для задания соотношения свойств очевиден: поскольку сложение двух тождественных объектов не должно изменять соотношения свойств, а лишь увеличивать их ригидность. Таким об-

разом, только направление вектора (угловая координата) вместе с его длиной (ригидностью) однозначно и полноценно задают объект в семантическом пространстве [6].

Современные психологические и социально-психологические исследования направлены на повышение прогностической способности психотехнологий и отдельных методик при изучении ментальных процессов. Последнее возможно лишь при условии учета компонента ригидности (устойчивости оценок). Устойчивость определяется на выделенной совокупности некой группы индивидов, являющихся эквивалентными по выбранным исследователем параметрам (общие условия существования и соответствующие актуальные потребности). Если возможно определить в рамках выделяемых качеств такую общность как ментальность, вероятно, можно определить устойчивость оценок объектов (ригидность) и тем самым построить валидные предсказательные модели. При этом в рамках психологического исследования возникает необходимость, выделив группу индивидов, определить их ментальные карты (когнитивные схемы адаптации), а затем ментальность как смысловую общность ментальных карт.

В основе принятой нами исследовательской процедуры лежит техника многомерного шкалирования, когда оценки выделяемых предметов определяются через дескрипторы. В качестве предметов исследования (предметы шкалирования) могут выступать любые явления жизненного мира конкретной ментальности. Они связаны единым основанием, в отношении которого можно выстраивать различные иерархии – предпочтения (рейтинги), определяя желательность данных предметов для решения определенной задачи, удовлетворения потребности.

Таким образом, предметы исследования являются операционализацией инструментальных средств удовлетворения потребностей. Предметы выделяются постольку, поскольку являются средством/условием, способствующим или препятствующим удовлетворению потребности. Доминирующее направление активности (мотивы поведения) является неосознаваемым, осознаются инструментальные средства и частично – их предпочтения.

Процедуру вычисления мотивационного вектора можно сравнить с построением линии регрессии, но в данном случае направление на идеальный предмет, являющийся средством удовлетворения потребности, определяется не вероятностно, а однозначно. Мотивационный

вектор рассматривался как вектор силы, в направлении которого выстраивается активность. В процессе удовлетворения потребностей возникает определенный поведенческий алгоритм, являющийся сочетанием инструментальных средств – установкой, операционализируемой через связь дескрипторов. Ортогонализированные установки (как закрепленные в культуре образцы поведения и восприятия) образуют категориальное пространство, которое технологически определяется процедурой, аналогичной факторному анализу, но при этом используются не корреляционные матрицы с нормировкой на среднее, а ковариационные, что более полно представляет картину значений (установок).

Установка, с одной стороны, фиксирует определенный способ действия, алгоритм для достижения необходимых условий, детерминирует «встречу» индивида с объектом. С другой стороны, она выступает операционализацией потребности, обозначая способ удовлетворения потребностей, т.е. «встречи» потребности с условиями ее реализации. В семантическом анализе установки рассматриваются как категории, операционализируемые через связь дескрипторов, которая закрепляется в процессе эффективного удовлетворения потребности, характеризуя некий поведенческий алгоритм (путь) достижения условий, в которых возможна реализация этой потребности. Связь дескрипторов математически определяется как коэффициент ковариации. Мотивационное (смысловое) пространство представляет собой неортогональный набор силовых (мотивационных) векторов в ортогонализированном категориальном пространстве.

Объединенные в категории предметы как инструментальные внешние средства реализации потребности (значения) обретают смысл только в контексте их использования в рамках удовлетворения потребности.

Выбор термина «ментальная карта» может вызвать ассоциацию с некоей двумерностью. Однако «ментальная карта» понимается нами как многомерная. Продемонстрируем, как это происходит, на основе краткого анализа методических инструментариев, которые применяются нами при психосемантическом моделировании мотивационного пространства ментальности. Первоначально определяется «жизненный мир», в рамках которого вычленяются индикаторы, являющиеся объектами этого «жизненного мира». Последние операционализируются как предметы, а затем характеризуются через дескрипторы. В результате математической обработки получается

многомерное пространство (в зависимости от количества предметов, т.е. в настоящем исследовании 21-мерное неортогональное семантическое пространство). Это пространство обладает избыточной информацией о содержании «жизненного мира». В дальнейшем данное неортогональное семантическое пространство подвергается процедуре ортогонализации посредством метода факторного анализа. В результате получается ортогонализированное категориальное пространство, которое определяется как пространство установочное. Полученные категории являются взаимно независимыми. Количество категорий определяет размерность данного пространства. В случае разработанной нами методики «Крылатые фразы» (где реутингами были основные сферы жизни ментальности студентов, объектами выступали метафоры – борьба, забота, общение и пр., а дескрипторами – фразеологизмы (*держаться под крылышком, идти своей дорогой, метаться из угла в угол*) было осуществлено вращение посредством метода «варимакс-статистика» и выделено 6 значимых категорий. В этом случае пространство оказалось шестимерным. В нем осуществлялась разбивка по рейтингам (предпочтениям), на основании которых проводилось построение мотивационного вектора. Проекция мотивационного вектора на каждую из осей данного шестимерного категориального пространства показала возможность конструировать мотивационное пространство ментальности (причины, смысловая структура и основные алгоритмы проявления ментальности в ситуации удовлетворения потребностей).

Что касается построения индивидуальных ментальных карт и возможности исследования ментальности, то здесь требуется еще одно замечание: поскольку нами ставилась задача именно предсказания направления поведенческой активности, то было необходимо ввести такой параметр, как «ригидность», понимаемая математически как устойчивость оценок. Выше было показано, что на основании лишь единичного измерения предсказание сделать невозможно. Только многократное исследование индивида и определение устойчивости оценок позволит нам сделать вывод о ведущих направлениях его активности.

Следовательно, семантический анализ как метод психосемантического моделирования ментальности и восстановления мотивационных траекторий устанавливает детерминанты выбора средств удовлетворения потребностей. Это происходит посредством выделения в ментальности устойчивых компонент – категори-

ального пространства. В семантическом пространстве мотивационный вектор определяется однозначно как идеальное направление активности, что дает возможность решить тем самым проблему предсказания направления поведенческой активности и ее семантической организации. Метод позволяет наглядно, посредством разного рода классификации объектов и выражения к ним смыслового отношения через дескрипторы в рамках возможных условий жизни (рейтингов) восстановить целостное мотиваци-

онное пространство ментальности. При этом ментальность может быть индивидуальной (полученной через серию опытов) или групповой (от студенческой, профессиональной до этнической, всечеловеческой и пр.). Этот метод позволяет также определить причины выбора того или иного поведения ментальности, предсказывать дальнейшую траекторию активности. Таким образом, современный семантический анализ является эвристичной методологией решения проблемы мотивации в психологии.

## Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегии жизни. М., 1991.
2. Демина Л. Д., Супрун А. П. Психическая адаптация. Новосибирск, 1991.
3. Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. М., 1975.
4. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2-х т. М., 1986. Т. 2.
5. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М., 2001.
6. Супрун А.П. Психосемантический метод исследования ментальности // Образование в Сибири: Специальный выпуск. 2000.
7. Супрун А.П. Шкалирование субъективных оценок в психологии // Образование и социальное развитие региона. 2001. №1-2.
8. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.
9. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
10. Онучин А.Н. Новая парадигма в социальной психологии // Мир психологии. 1999. №3.
11. Юревич А.В. К анализу исследований каузальной атрибуции в зарубежной социальной психологии // Вопросы психологии. 1986. №5.
12. Келли Дж. Психология личности. Теория личностных конструктов. СПб., 2000.
13. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. №5.
14. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. №2.
15. Руднев В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М., 1999.
16. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык моделирования социального взаимодействия. М., 1987.
18. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
19. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / Сост. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М., 1983.
20. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскрипту) // Е. Гурко. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001.
21. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
22. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.
23. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М., 1999.
24. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984.
25. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
26. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантическое исследование политического менталитета // Общественные науки и современность. 1976. №6.
27. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002.